

«Зимний путь»,
BALLETT ZÜRICH

сколько сюжетных линий. Вот я и решил восстановить, скажем так, историческую справедливость. Мне очень приятно, что в России, где «Щелкунчик» — это икона, произведение, без которого немислим разговор о русском классическом балете, мою постановку встретили с энтузиазмом. Мы показали ее в 2017 году на Новой сцене Большого театра.

— Что вам близко в русской культуре, искусстве, истории?

— Я часто бываю в России и искренне восхищен культурным наследием страны. Мне очень близки Толстой и Арсений Тарковский. Пользуюсь любой возможностью посмотреть спектакли в Большом театре — и дело не только в художественной ценности спектаклей. В Большом ты ощущаешь, насколько велико значение балета для русской культуры, насколько балет здесь значим и любим — наверное, как больше нигде в мире. Связь между культурой и религией, которая достаточно тесна в России, давно занимает меня. Если смотреть шире, то меня всегда пленял контраст между некоторой кажущейся холодностью и отстраненностью русских при первом знакомстве и той душевной теплотой, сердечностью и искренностью, которые открываются тебе при более близком контакте. У русского человека большое сердце, и Россия — та страна, где мне всегда хорошо.

— Как бы описали хореографический язык труппы Цюрихского балета?

— У нас классическая школа и современный балетный репертуар. Мы придерживаемся, я бы сказал, классического кодекса, но действуем на территории и классического балета, и современной хореографии. В репертуаре труппы балеты Уильяма Форсайта, Иржи Килиана, Эдварда Клюга, Алексея Ратманского. Мое кредо и моя главная надежда — шаг за пределы собственных возможностей. Я говорю и о физических возможностях, и о психологических барьерах. Каждый день — это расширение пространства

творческой свободы, новая высота. Стараюсь привлекать к сотрудничеству самых ярких ныне живущих хореографов со своим выразительным творческим почерком, это как нельзя лучше развивает труппу, делает ее разносторонней. В минувшем сезоне наши продажи билетов составили 99%, за год до этого — 98%. Это означает, что аудитории близок наш подход.

— Вы упомянули Уильяма Форсайта. С этим хореографом у вас особая связь — ведь именно под влиянием его работы в 19-летнем возрасте приняли решение стать танцовщиком, не так ли?

— Да, именно под влиянием балетов Уильяма Форсайта я принял решение связать свою жизнь с хореографией. Я тогда жил во Франкфурте и проходил альтернативную гражданскую службу — работал в клинике для душевнобольных. Мне было 19 лет — возраст, когда профессионально заниматься хореографией и балетом уже поздно, но вот от первой же постановки Форсайта мне буквально голову снесло. Я был ошеломлен, словно на другой планете побывал. До той поры представления о балете ограничивались для меня, скажем так, телевизионной версией классики вроде «Щелкунчика» или «Лебединого озера» в самой традиционной форме: красиво, элегантно, сладко, даже чуть приторно. И тут мне во всей красе предстал балет как философия. Тут не про движения, тут про мысли, идеи, потрясающие и неожиданные вопросы, которые задевают тебя за живое. Я испытал сильнейшее потрясение. И я невероятно горжусь тем, что Форсайт, человек, таланту которого я поклонялся, которого считал недосяжимой звездой, сейчас частый гость в нашем театре. Жизненное направление было задано, и по окончании службы я поступил в школу балета Джона Кранко в Штутгарте, хотя мне было уже 20 лет. Опасался, что время упущено, но рад, что страх не остановил меня.

— Чем стали для вас два года альтернативной гражданской службы — потерянным временем, о котором вы сожалели, трудным испытанием, полезной жизненной школой?

— Два года гражданской службы начинались для меня в психологическом плане очень тяжело. Мне хотелось стать танцовщиком, и я понимал, что к моменту окончания службы, когда мне будет 20–21 год, по общепринятым меркам будет уже поздно поступать в балетную школу, я терзался этой мыслью. Кроме того, во время прохождения альтернативной службы в психиатрической лечебнице я с первых шагов столкнулся с самыми тяжелыми пациентами. Но именно эти два года стали для меня одним из важнейших жизненных этапов. Самые глубокие и значимые вещи открылись мне именно в этот период жизни. Я не был врачом, медбратом или родственником, я был просто пареньком, что называется, «на подхвате». И неожиданно увидел, что невероятно одинокие, отчаявшиеся люди, аутсайдеры в абсолютной форме, тянутся ко мне — как выясняется, единственному человеку, готовому их выслушать. Их

откровенность оказалась для меня сюрпризом, но я нашел в себе силы предложить открытость в ответ. И задумался о том, что является нормой, а что отклонением; о возможности и желании найти зерно истины, в том, что не первый взгляд кажется бессвязным бредом; о том, чтобы почувствовать эмоции другого человека, не закрываться от них. Я пронес этот опыт через всю жизнь и должен сказать, что именно он помог мне научиться искусству коммуникации. Ведь успех балета зависит от того, насколько автор спектакля сумеет донести свои мысли до сценографов, художников по костюмам, танцовщиков. Ты оказываешь всем этим людям доверие, впуская их в свой мир, а доверие немисливо без уважения. И доверию, и уважению к каждому человеку вне зависимости от его возраста, социальной роли и так далее я научился именно во время гражданской службы. Так происходит, когда ты помогаешь тем, кого считают отверженными, людям, оставившим любые надежды на то, что кто-то способен и хочет понять их и услышать. Да, эта школа жизни, безусловно, меня воспитала — и как человека, и как хореографа.

«Щелкунчик
и Мышиный
король»,
BALLETT ZÜRICH